

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ В.О. КЛЮЧЕВСКОГО: НАРОД, ЭЛИТЫ, ФАЛЬСИФИКАЦИЯ*

Карабущенко Павел Леонидович, доктор философских наук, профессор

Астраханский государственный университет
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, д. 20а
E-mail: Pavel_karabushenko@mail.ru

Выдающийся русский историк и политолог В.О. Ключевский вошел в историю отечественной науки как один из самых проникательных и оригинальных мыслителей, предвосхитивших появление многих современных теоретических концепций – среди которых элитология и историческая герменевтика. Как историк, он решает проблему верификации исторических источников, как политолог – занимается вопросами анализа фальсификации истории правящими элитами. Но общей исторической и политологической темой его творчества является вопрос о субъекте власти (элиты), о качестве ее профессиональных достоинств и недостатков, о культуре взаимоотношения власти народа. В статье затрагиваются вопросы, связанные с деятельностью элит по их фальсификации политической истории. Причем фальсификация оказывается настолько масштабной, что фальсифицированными оказываются и сами элиты, и их лидеры.

Ключевые слова: политическая история, элита, фальсификация, достоверное, заблуждение, ложное, массы, народ, историческая герменевтика, историческая личность.

POLITICAL HISTORY OF V.O. KLYUCHEVSKY: PEOPLE, ELITE, FALSIFICATION

Karabushenko Pavel L., D.Sc. (Philosophy), Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russia
E-mail: Pavel_karabushenko@mail.ru

The outstanding Russian historian and the political scientist V.O. Klyuchevsky was one of the most acute and original thinkers in native history science who have anticipated the emergence of many modern theoretical concepts – among which elitology and historical hermeneutics. As a historian, he solves the problem of verification of historical sources as a political scientist he prosecutes the subjects of the analysis of falsification of history by ruling elites. But the general historical and politological subject of his creative work is the problem of the subject of the power (elite), of quality of its professional merits and demerits, of culture of relationship between the power and the people. The problems connected with activity of elites on their falsification of political history are mentioned. And falsification appears to be so large-scale that both elites and their leaders appear to be forged.

Keywords: Political history, Elite, Falsification, Authentic, Error, False, Masses, People, Historical hermeneutics, Historical figure.

В отношении народа и элиты должно быть взаимопонимание и взаимоуважение. Когда этот идеал оказывается недостижим, элиты начинают искусственно создавать его видимость, усиленно уверяя общество в обратном. Так между народом (обществом) и элитой (властью) возникает и укореняется ложь, отягощенная еще и общей склонностью большинства самостоятельно впадать в заблуждение. История становится не историей господства истины, а историей возникновения, утверждения и преодоления ложного в общественном сознании. Особенно это видно на примере политической истории, где сталкиваются и конфликтуют интересы различных политических элит и их лидеров.

Политическая история. Политическая история является связующим звеном между исторической наукой и политологией, предполагающим их синтез и консоли-

---

* Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект 2012-1.1-12-000-3001-057 «Фальсификация политической истории: от достоверности идеологической к достоверности научной».

дацию усилий, направленных на поиск и утверждения достоверности и преодоление заблуждений и откровенной лжи (фальсификации). Вместе с тем это самая уязвимая с точки зрения достоверности область исторического знания, поскольку полностью лежит в сфере интересов правивших и ныне правящих элит. Именно это (спор элит о своей сущности) и делает политическую историю актуальной и вечно востребованной темой, всегда заостренной на современные политические реалии. Отсюда и вечная потребность исправления истории, пересмотра её результатов в свою пользу и во вред своих постоянно меняющихся противников и оппонентов. Если бы ныне правящие элиты не искали себя в истории, то не было бы и самой потребности в фальсификации. Как показывает сама политическая история, элиты не могут жить без фальсификации. Замаскированная под правду ложь призвана исправить те неполадки в структуре качества элиты, которые ею обнаруживаются в ходе собственного мониторинга и самооценки. Поэтому фальсификация всегда носит предупреждающий характер, с целью профилактики наиболее уязвимых мест в системе апологии элиты.

Поскольку в нашей работе речь идет об элите, то нам следует внести свои уточнения в понимание этого понятия (элитологии вынуждены это делать каждый раз, поскольку феномен элиты всегда требует уточняющего момента, в режиме «здесь-и-сейчас»). Итак, как мы понимаем «элиту» в настоящее время? *Элита — это лучшее, ставшее таковым благодаря доминации своего качества.* Качество — это четко оформившаяся Идея о достоинстве и превосходстве чего-то над чем-то; это абсолютная завершенность Идеи и её воплощения свидетельствующая о полноте её бытия (т.е. чтобы слово элиты всегда совпадали с её делами и с тем, как её воспринимает общественность и тем, как она сама о себе думает). В этой сложной формуле как раз и кроется разгадка того, почему элита при ближайшем рассмотрении оказывается не тем, чем она должна была бы быть на самом деле. Многие исторические и политические коллизии как раз и обусловлены тем, что возникает и углубляется противоречие между словом и делом элиты, между тем, чем она есть и чем она должна быть.

Роль элит в истории велика, но не абсолютна. Элиты вынуждены взаимодействовать с одной стороны со своими лидерами, а с другой с обществом (народом, массами). Политическая история представляет собой сложнейшее переплетение интересов и мотивов этих трех основных субъектов истории. Причем в разных условиях они играют разную по степени важности роль, постоянно диалектически корректируя друг друга.

Политическая история сложнейшая комплексная дисциплина, поскольку для осуществления своего проекта требует объединения усилий не просто истории и политической науки, но и ещё предполагает весьма активное участие в этом проекте философии, отчасти психологии, социологии и культурологи. Главная задача исторической науки и историков состоит в том, чтобы дать дешифровку прошлого. Пересказ уже известного малочислен, поскольку не требует критического осмысления прошедшего. А поскольку прошлое таит в себе немало загадок и тайн, многие из которых непосредственно связаны с фальсификацией истории правящей элитой, то критический анализ истории посредством исторической герменевтики обязательная процедура для каждого уважающего себя историка. В настоящей статье речь пойдет о склонности политической элиты к фальсификации политической истории — как, когда и зачем элиты и их лидеры или продолжают идти на эту подмену?

Проблему взаимоотношения народа, элиты и фальсификации мы рассмотрим на примере творчества выдающегося русского ученого *Василий Осипович Ключевский* (16.01.1841, Пенза — 12.05.1911, Москва), идеи которого в равной мере могут быть использованы в рамках как элитологии, так и исторической герменевтики.

Элитологическое в политической истории В.О. Ключевского. Для нас В.О. Ключевский не просто выдающийся российский историк и политолог, но также ещё и основоположник элитологического принципа в истории [1–2]. Его политическая история просто пронизана идеями элитологии и политической науки. Поэтому он и историк, и политолог, и элитолог вместе взятые. Что побуждает нас делать подобные заявления? Причин для этого не мало. Уже докторская диссертация

В.О. Ключевского была посвящена элитологической проблематики. Она называлась — «Боярская дума Древней Руси» (защита — 29.09.1882) [6]. В дальнейшем тема элиты (политической власти, аристократии, святости) становится сквозной в его творчестве. Поэтому В.О. Ключевского с полным основанием можно считать основоположником русской школы исторической элитологии¹. Он первый начал систематическое изучение русской элиты (аристократии), включая ее в систему исторической триады — лидер, элита, народ.

Уже в самом определении им сущности истории мы можем усмотреть легкий налет элитологической тематики. «Предмет истории — то в прошедшем, что не проходит, как наследство, урок, неконченный процесс, как вечный закон. Изучая дедов, изучаем внуков, т.е. изучая предков, узнаем самих себя. Без знания истории мы должны признать себя случайностями, не знающими, как и зачем мы пришли в мир, как и для чего в нем живем, как и к чему должны стремиться, механическими куклами, которые не рождаются, а делаются, не умирают по законам природы, жизни, а ломаются по чьему-то детскому капризу» [5, с. 18]. Сказанное В.О. Ключевским об истории полностью относится и к элитам, ибо элиты, не знаящие своей истории, являются случайностью, недоразумением. Случайная элита — дело случай, и появляется она исключительно по случаю. О какой-либо закономерности здесь говорить вообще не приходится.

Сущность и задачи государства раскрываются через такие важные элементы как верховная власть, народ, закон и общее благо [10, Т. 3, с. 15]. Изучение истории состоит в том, чтобы «следить, как вырабатываются в общественном сознании и вливаются в эти формы недостававшие им понятия, составляющие душу политического порядка, как основ государства, ими оживляемый и питаемый, постепенно превращается в государственный организм» [10, Т. 3, с. 16]. Таким образом, история становится политической.

В.О. Ключевского был первым, кто не просто увидел особую роль элиты в истории, но и попытался раскрыть объективные законы и закономерности ее политического развития. Если В.Н. Татищев или Н.М. Карамзин лишь фиксировали и особо подчеркивали роль элиты в истории, то Василий Осипович возводит эти общие наблюдения в ранг исторической политической науки. Он не просто описывает элиту, он ее анализирует. И это принципиально отличает его от всех его предшественников. В историческом элитизме В.О. Ключевского уже угадываются очертания современной исторической элитологии.

Анализируя «лестницу чинов» «военно-служивого люда» Московского государства XV–XVI вв. он констатировал широкое применение т.н. принципа «родовитости» («аристократизма крови»). На основе этого он делал вывод о том, что «родовитый человек начинал [свою службу] с того, чем иногда и очень редко кончал неродовитый» [10, Т. 2, с. 194]. По существу русское государство было аристократической монархией, в которой все высшие должности занимали выходцы из этого привилегированного сословия. В XVII в. в России наступает период деградации старинных аристократических родов, что ознаменовало собой и сам закат эры средневековой аристократии; с ее уходом, открылись пути притока в высшие эшелоны власти т.н. «худородных людей», заполнивших собой образовавшиеся «дыры» в «административном теле» государства Российского [10, Т. 3, с. 66–67].

Говоря о смене исторических эпох в истории государства российского (таким рубежом, по его мнению, является Смута) В.О. Ключевский обращает внимание на изменения которые произошли в правящем классе России, указывая что и сама Смута и порядок, установившийся после Смуты во многом были предопределены качеством

¹ В работах В.О. Ключевского мы не встретим термина «элита», но зато в его трудах существует множество его эквивалентов и синонимов: правящий класс, боярство, достойные мужи, лучшие граждане и т.д., и т.п. Во всех этих случаях речь идет непосредственно о том, что мы сегодня называем элитой. Поэтому, не используя ещё самого термина «элита», В.О. Ключевский фактически занимался её системным изучением.

политического правящего класса. Одной из главных причин Смуты стала деградация аристократии, переставшей быть способной к выполнению властных функций государства. Новая династия (Романовы) были вынуждены рекрутировать в элиту свежие силы, ранее не входившие в узкий аристократический круг [10, Т. 3, с. 68–78].

Появление в XVII в. новых родовитых аристократов сопровождалось процессом фальсификации их родословных списков, которые для пушей солидности были углублены в историю на несколько столетий. Так появляются ничем не подкрепленные генеалогические корни, лишенные всяких исторических оснований, но имеющие важное административно-политическое значение для верхушки русского общества того времени (в том числе и для семьи Романовых). Фактически элита фальсифицировала себя саму. Её притязания на власть должны быть чем-то подкреплено и оправдано. Приписывая себе ложную историчность, новая аристократия готова была пойти на любую ложь, лишь бы остаться на верхушке социально-политической пирамиды. Именно отсутствие доказательств древности этих родовых списков, приводит нас к убеждению о том, что фальсификация стала нормой общественного поведения элиты. Причем сами субъекты этой элиты, по всей видимости, догадывались о том как, где и кем изготавливаются эти списки, поэтому относились к ним формально (все знали все молчали по негласному общему соглашению). Но историческая наука формально к ним относиться не может, ибо формализм в этом вопросе равнозначен преступлению против истины, т.е. наука становится лженаукой.

Василий Осипович постоянно возвращается к теме генезиса русской элиты, считая ее основополагающей при интерпретации конкретных исторических фактов или обосновании конкретных научных теоретических построений. Последователями В.О. Ключевского были такие видные отечественные историки, как А.Е. Пресняков, Л.Н. Гумилев, А.А. Зимин. Анализируя историю элит, В.О. Ключевский неоднократно указывает на ее многочисленные попытки приукрасить свое бытие, придать ему парадно-праздничный вид.

Роль народа в истории. В советской научной литературе было принято говорить о роли масс в социальной истории человечества. На страницах истории В.О. Ключевского действует не массы, не толпа, а народ. И нам бы не хотелось проводить между этими понятиями некие параллели, и даже утверждать, что это синонимы. Судя по характеру ключевского текста они синонимами не являлись. Так чем же понятие «народ» В.О. Ключевского отличается от понятия «массы» советской общественной науки? Прежде всего, тем, что массы безлики, а народ все-таки имеет свой характер, свою культуру, имеет свое лицо.

В.О. Ключевский идеализирует роль народа в политической истории. По его мнению, «государство как народный союз, почерпает свою силу в народной мощи и растет вместе с нею, содействуя и ее росту – таково первоначальное и естественное отношение между государством и народом» [10, Т. 5, с. 408]. Однако, эти продемократические заявления не находят должного раскрытия на страницах самой его истории. Он неоднократно заявляет о том, что с мнением народа политики считаются, но при этом добавляет, что лишь для того, чтобы навязать народу свое собственное мнение [10]. Получается, что народ в истории является носителем чужого мнения. Не элиты подстраиваются под мнение народа, а народу навязываются нужные элите мнения.

Хотя В.О. Ключевский формально и ставил народ на передний план истории, сам народ у него был представлен в основном единым лицом государства, в котором выделялось еще более конкретное лицо власти. О самом народе историк говорит позитивно, но в целом, в общем. Считать его «народником» можно, но тоже условно. По своим симпатиям он на стороне народа. Но это всего лишь его симпатии. В выборе этической оценке, он чаще склоняется на сторону народа, чем власти. Но, когда речь доходит до конкретного повествования, в дело вступают события, идеи и лица уже иного, элитного порядка. Да, он отличается от Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева, которые ставили на первое место государства и от Б.Н. Чичерина, у которого эту роль играла *историческая личность*. Но если смотреть по реалиям, а не по заявлениям

ям о намерениях, то В.О. Ключевский соединяет в себе все три субъекта истории – государство, народ и личность.

История не должна замалчивать и о нравственности конкретной исторической эпохи и личности. Так, о Смуте он пишет как о времени всеобщего (народной) потере нравственности, а именно стремление к высокой нравственности отличала русское общество того времени [12, 13]. Поэтому историку надлежит говорить не только о достойном и святости, но и о пороках и грешниках. По иронии исторической судьбы, все земные грешники сосредоточились во власти (элита), а все святые оказались в обществе.

Главным пороком русского народа В.О. Ключевский видел в холопстве. Холопство – это нравственная болезнь, оставшаяся в нравах самого народа из-за его привычки и продолжительной практики военного или экономического насилия верхов (элиты) [5, с. 18; 8; 14]. Крепостное право – позор российского государства и лично царя-реформатора Петра Романова. Государство (власть, элита) допустившее подобное в отношении своего собственного народа достойно презрения.

При этом крепостничество отмечается унижением русского народа и деградацией (развращенностью) русского барства. «В преданиях и усадьбах старых русских бар встретим следы приспособлений комфорта и развлечения, но не хозяйства и культуры; из них можно составить музей праздного баловства, но не землевладения и сельского управления» [5, с. 18]. Именно праздность и лень в массовом порядке становится главными чертами русского дворянства эпохи расцвета крепостничества. При таком положении роль народа в истории заключается только в праве поднять бунт. Что он, русский народ, неоднократно делал на всей протяжении своей нелегкой истории.

Холопство было воспитано на Руси самой ее политической системой. «Московские люди», утверждает историк, представляли себе, что «Московское государство, в котором они живут, есть государство московского государя, а не московского или русского народа. Для них были нераздельными понятия не государство и народ, а государство и государь известной династии; они скорее могли представить себе государя без народа, чем государство без этого государя» [10, Т. 3, с. 49]. Но именно Смута показала, что государства без государя не бывает. В государстве лишенном законного правителя неизбежно возникает смута. Люди Московии тогда увидели и на своем жизненном опыте убедились, что государство может существовать и без главного лица, но существовать весьма скверно. Но именно тогда, по мнению В.О. Ключевского, «Из-за лица, проглянула идея, и эта идея государства, отделяясь от мысли о государе, стала сливаться с понятием народа» [10, Т. 3, с. 63].

Исторические портреты. Ключевский очень тщательно подходит к раскрытию психологического портрета исторической личности. В.О. Ключевский пишет об Иване Грозном, но в этом его портрете узнаются многие другие правители России: «По природе или воспитанию он был лишен устойчивого нравственного равновесия и при малейшем житейском затруднении охотно склонялся в дурную сторону. От него ежеминутно можно было ожидать грубой выходки: он не умел сладить с малейшим неприятным случаем» [5, с. 127]. Подобная характеристика не просто точна, она реалистична. Русский историк задолго до Фрейда проникает в глубины сознания и подсознания своего исторического персонажа настолько глубоко и настолько основательно выворачивает его наизнанку, что у нас нет ничего, что бы мы могли бы к сказанному им добавить. Именно законченность формулировки подкупает нас в его творчестве.

Некоторые главы его Истории специально посвящены отдельным историческим личностям. При этом у него впервые в число таких важных исторических персон попадают не цари и их родня, а подданные русской короны, как например А.Л. Ордин-Нащокин, В.В. Голицын или Ф.М. Ртищев [10, Т. 3, с. 310–342]. Впервые государственными деятелями становятся неавгустейшие особы. И В.О. Ключевского это ничуть не смущает. Он оценивает их по той роли, которую они сыграли в истории России, а не то, каких кровей они были. Это верхушка русской политической элиты, её

лидеры. И именно поэтому на эти исторические персонажи и обрушилась фальсификационная волна последующих времен, лидеры которого пожелаали несколько принизить блеск и значение той эпохи, дабы возвысить свое собственное время и имя. И хотя открытой критики петровских фальсификаторов истории у него мы не находим, но рассыпанные то тут то там намеки, оговорки и сетования указывают на то, что В.О. Ключевский прекрасно понимал откуда «тьнь исторического стереотипа» на отдельные личности русской истории. В истории России был всего лишь один «Великий» (царь Петр) и недопустимо, чтобы где-то рядом были тоже по настоящему талантливые личности, способные оказать ему конкуренцию. Поэтому такие «конкуренты» всячески затирались и отодвигались, дабы не компрометировать великого реформатора. В.О. Ключевский возвращая нам эти забытые имена, фактически выступает как дефальсификатор, как разоблачитель петровской мифологии. Это стало возможно, когда историки перешли от однолинейного восприятия и оценки исторической личности к многомерной. И тут выяснилось, что не все, что нам навязывает официальная версия истории (пропаганда) является абсолютно достоверным.

Многие исторические портреты преднамеренно искажены и целенаправленно испорчены последующими идеологами-апологетами политической власти.¹ Поэтому дефальсификация истории это борьба с лукавством. Из многочисленных критических замечаний самого историка видно, что он с недоверием относился к парадным портретам государственных деятелей, видя в них умаления полноты исторической достоверности. Он неоднократно повторял одну и ту же общую для его рассуждений мысль – выдающаяся историческая личность не может быть однобокой – т.е. или только плохой, или только хорошей. Создавая психологические портреты русских царей (Ивана Грозного, Бориса Годунова, Лжедмитрия, Петра I) он постоянно выходит за грань официоза и показывает, каким на самом деле был этот человек, облеченный верховной властью. При этом он стремится отделить «зерна от плевел», выяснить, где заканчивается достоверное научное и где возникает достоверное идеологическое. В его суждениях нас подкупает его самостоятельности и критичность. Он не приклоняется перед авторитетом власти. Он стремится вступить с ней в открытый и равный интеллектуальный диалог. Другое дело, что сама власть не всегда выдерживает этого диалога, ибо интеллектуальные возможности политической элиты ограничены ресурсами ее власти, в то время как интеллектуальные возможности ученого ограничений не имеют.

При создании исторических портретов важно не просто пересказать в точности все подробности биографии известного исторического лица, но и показать его психологические наклонности и умственные способности, выяснить его культурные пристрастия и природу взаимоотношения с другими людьми, знаковыми и не знаковыми. Всем этим искусством В.О. Ключевский владел в совершенстве. И в этой связи он часто задает один и тот же вопрос – насколько оставленная современниками информация достоверна и объективно отражает сущность своего времени? [9, Т. 7, с. 178]. Отвечая на данный вопрос, он попутно, а где и специально решает тему верификации и поиска достоверного. Так мы подходим к выяснению главной темы нашей работы – проблемы фальсификации истории.

Фальсификация – главная проблема истории. самого термина «фальсификация» мы, пожалуй, в сочинениях В.О. Ключевского не найдем, зато встретим его многочисленные эквиваленты и синонимы: достоверное, затруднения в понимании, правильное чтение рукописей, искажения, ошибки, забавные и грустные недоразумения, злоупотребление с умыслом словами и т.д. [9, Т. 7, с. 11–12]. По ходу повествования историк весьма часто выражает сомнения в достоверности тех или иных исто-

¹ **Идеологи-апологеты** – это лица, профессионально занимающиеся обслуживанием политической элиты, и ставившие перед собой главную цель, во что бы то ни стало любой ценой и любыми средствами оправдать деятельность власти, даже если она носила аморальный и неэффективный характер. Они создают свою идеологию-миф, оправдывающую пагубные наклонности властителей. Фальсификация для них является средство достижения необходимого оправдания (политической индульгенции).

рических сообщений или комментариев своих коллег. Но больше и чаще всего он анализирует эту проблему в своих аналитических работах по источниковедению. В этих его трудах затрагиваются вопросы, которые мы сегодня можем объединить в круг проблем исторической герменевтики.

Историк указывает, что в понимании истории возникают две главные трудности: 1) изменившиеся нормы языка (лексика и ее понимание XVI в. отличается от XX в. и т.д.) и 2) неоднозначное поведение исторической личности, которую надо понимать не только в самом ее тексте, но и в контексте (т.е. в окружающих ее бытовых деталях и общественных реалий) [9, Т. 7, с. 11–12].

В.О. Ключевский указывает, что исследователь должен быть знатоком русского языка, дабы адекватно понимать текст и не делать досадных и забавных ошибок. В качестве примера он приводит текст из Волынской летописи 1281 г. где сказано, как полки некого князя осадили город, «Ставша около города, яки борове велицен». Один историк понял слово «борове» в качестве «борова» (свиньи) и написал, что воины стали в виде клина (свиньи), в то время как слово «борове» имеет еще и другое значение - «темный лес», и смысл текста был совершенно другой – полки своими копьями стояли словно темный лес [9, Т. 7, с. 12]. Равнодушное отношение к древней грамматике открывает дорогу для стихийной фальсификации прошлого. В этой связи Василий Осипович рекомендует своим коллегам: 1) правильно читать древние рукописи и 2) изучать языки древних памятников [9, Т. 7, с. 13].

Судя по его тексту, В.О. Ключевский диалектик. Он призывает рассматривать и анализировать историю в движении. Именно так ее изображали античные авторы. Современным историкам следует поступать точно так. Именно в этом заключается успех понимания жизни прошлого в ее полноте [9, Т. 7, с. 14].

В.О. Ключевский указывает на существующие разнообразные трудности в понимании текста летописей. Главная из них в том, что «летописи в большинстве случаев памятник не личного, а коллективного творчества; ведь это свод местных записей прошедшего, переданный через несколько рук, они очень слабо отражают в себе движение жизни. У летописцев есть, как известно, свой определенный взгляд на события, который драматизирует рассказ. Но этот взгляд также не личный, а один и тот же у всех летописцев, так что при разборе летописей нет места для применения одного приема высшей исторической критики – определения угла зрения писателя. Есть один летописный угол зрения, который определить легко, но нет угла зрения киевского, суздальского, волынского или летописца XII, XIII или XIV вв. Появление личного взгляда летописца на лица и события чрезвычайно редки, и в коротком обзоре летописей их легко перечислить» [9, Т. 7, с. 14]. Особенно В.О. Ключевский выделяет склонность летописцев к непоследовательности хронологических дат, что вносит путаницу в понимание логики хода исторических событий.

Допущенные кем-то когда-то ошибки начинают кочевать по разным текстам, обрастая подробностями и новыми искажениями. Так зарождается и развивается стихийная фальсификация, не менее опасная и зловердная, чем фальсификация целенаправленная.

В чем, по мнению историка, должен состоять критический анализ истории? «Критическая обработка исторического материала, заключающегося в летописных сводах, должна преследовать три основные задачи: 1) указать источник летописи, т.е. есть ли это свод или подлинная первичная летопись; 2) восстановить хронологическую связь событий, перепутанную благодаря редакционным приемам древних сводчиков; 3) указать в правильной хронологической последовательности событий их внутреннюю историческую связь, которая только тогда и становится уловимой, когда события, переданные летописью, будут расположены в правильном хронологическом порядке.

Итак, – заключает историк, – источники, хронологическая последовательность и внесение исторического смысла – вот три самые трудные задачи исторической критики наших летописей» [9, Т. 7, с. 16]. Сразу скажем, что обозначенные В.О. Ключевским параметры работы являются: во-первых, далеко не самыми трудными, а са-

мыми необходимыми и первичными и, во-вторых, то, что он называет «исторической критикой», мы называем исторической герменевтикой, что по-нашему мнению (и не в укор ему будет сказано), выглядит более развернуто. Что до первого нашего замечания, то после указанных им процедур установления подлинности источника, наступает самая сложная работа: 1) проникнуть в замысел автора произведения (т.е. читать его не по букве, а по духу); 2) восстановить психологические особенности действующих в истории лиц (выяснить их подлинные мотивы и логику поведения), 3) установить истинный замысел фальсификатора текста, т.е. выяснить цели элит, пошедших на заведомое (злонамеренное) искажение истинны в истории. Всё это в дополнение В.О. Ключевскому, а не в его опровержение. Всё это вместе взятое и есть контуры исторической герменевтики [3, с. 5–13].

Но если летописи в целом безличностные тексты, то мемуарная литература уже имеет конкретного автора. Среди всех анализируемых им авторов, мы выделим одного, который по духу оказывается ему необыкновенно близок. Это князь *Иван Андреевич Хворостинин* (?–1625). В.О. Ключевского интересует не только то, что этот автор пишет, но и то, что он при этом думает и как оценивает себя и свое время. Труд И.А. Хворостинина называется «Словеса дней и царей» и посвящено русской Смуте. Его повествование – сборник общих очерков и характеристик, из которого мы «узнаем не столько о лицах и событиях, сколько о том, как повествователь смотрел на лица и события» [9, Т. 7, с. 174]. Здесь позиция автора доминирует над всем и это в корне отличает летопись от подобных «Сказаний».

В.О. Ключевский признает, что повесть И.А. Хворостинина написана с размахом, смело и автор не боится давать свои объяснения происходящим событиям. Причем указывается на объективность его оценок. Будучи в ближайшем окружении первого Самозванца, князь, тем не менее, дает ему нелицеприятные оценки. Он представляет Лжедмитрия I «законопреступником, с мерзостью запустения в сердце, при остроте ума и учености книжной» [9, Т. 7, с. 173]. Более того, Василий Осипович указывает, что «в повести Хворостинина есть и проблески исторического мышления. Он умеет обобщать отдельные явления и сводить их в факты, а факты причинной связью сцеплять исторический процесс, в целое движение, обозначая его характерными чертами, которые если ещё и не годятся прямо для исторической картины, то могут служить для её освещения, как впечатления мыслящего наблюдателя» [9, с. 173–174].

И.А. Хворостинин позволяет себе быть свободным в своих суждениях. Он и стал западником по своим глубоко личным убеждениям. И может быть именно это выделяет его среди всей массы русских авторов того времени. В позиции князя мы чувствуем наличие его сильной личности, которая не боится давать объективные оценки царям и их ближайшим псарям: «он вглядывается в земные орудия провидения – людские доблести, пороки, страсти, в характеры людей, которые у него не просто добрые или злые, а сложные составы, сплетенные из добра и зла» [9, Т. 7, с. 174]. Данная характеристика в подходе описания исторических портретов ставит И.А. Хворостинина в один ряд с В. Шекспиром, у которого все персонажи тоже сложносоставные, представляющие собой диалектическое единство «Инь и Ян» и борьбы этих противоположностей. Именно диалектика и логика становятся теми звеньями в методологии исторической герменевтики, которые выводят нас на достоверное. Поэтому мы вправе сказать, что истина диалектична и логична, и что только прошедшая через критику этих способов познания знание, может считаться исторической достоверностью.

В.О. Ключевский нам интересен не только как теоретик и разработчик определенных схем верифицирующих фальсификацию истории, но и как ученый полностью применивший (реализовавший) её на практике в своих собственных исследованиях. Изучая его произведения, мы постоянно наталкиваемся на его методологические размышления о природе и сущности достоверного, заблуждения и ложного. В.О. Ключевский ищет истину в истории, считая, что она то тут, то там соседствует, а нередко и переплетается с мифами, неточностями, а то и откровенной ложью. История – это авгиевы конюшни, где истина находится под толстым слоем ложного или

просто недостоверного знания. И разгребать эти конюшни под силу таким героическим личностям как Геракл (В.О. Ключевский!).

В.О. Ключевский не просто историк, а блестящий мастер политической истории, где описательная и аналитическая части не просто уравновешены, но приведены в некое гармоничное состояние. Текст его настолько аккуратно выверен, что из него нельзя ничего ни убавить, ни добавить. По объему он ровно такой, какой должен быть, а по качеству – такой, какой может быть в своем максимальном варианте. Мы далеки от того, чтобы создавать Василию Осиповичу очередной панегирик. Но каждый, кто профессионально занимается политической историей, должен у него внимательно учиться и быть его учеником. Он показывает нам, как нужно создавать текст по политической истории на основе глубочайшей аналитической работы. Его мысли по данному поводу ничуть не устарели, и при определенном их развороте могут составить значительную конкуренцию современным аналитикам. Но самое главное, В.О. Ключевский это наше коллективное прошлое, наша история исторической науки, которое мы должны бережно хранить и приумножать, если хотим не прослыть Иванами не помнившими своего родства...

* * *

К сожалению, историческая наука это не история самоутверждающейся истины, а история борьбы лжи с достоверностью, ибо сами люди часто затрудняются дать утвердительный ответ на вопрос, что же на самом деле было, и начинают гадать и сочинять свои варианты, объясняющие им суть происходившего. Если бы политическая история была бы историей Истины, мы бы были совершенно другими людьми.

Тема фальсификации не может быть разрешена в рамках одной конкретной статьи. Это вечная тема. Столь же вечная, как и тема взаимоотношения народа и элиты. А как показывает политическая история, именно фальсификация часто выступает связующим звеном, объединяющим конкретный народ и конкретную элиту. Фальсификация – это ложь во благо себе и во вред врагам. Вся проблема заключается в том, что в политике «свои» и «чужие», союзники и враги, «плохие» и «хорошие» очень часто меняются местами и приходится постоянно корректировать ситуацию, подправляя прежние позиции в зависимости от сложившейся конъюнктуры. А это необъятное поле для спекуляций на тему патриотизма, благих целей своих и вредоносности противника.

Именно по мере (объёму) существующей между народом и элитой фальсификации мы можем судить насколько это общество демократично или авторитарно. В авторитарных и тоталитарных политических системах складывается формула «народ – фальсификация – элита»; в демократических обществах действует другая формула «народ – верификация – элита». В первом случае пропаганда господствующей идеологии не позволяет критического осмысления навязываемой сверху информации; во втором случае критическое восприятие доминирует над желанием власти выглядеть лучше, чем она есть на самом деле. Ответить на вопрос, в каком обществе мы живем, обществу помогает политическая история, вооруженная против фальсификации исторической герменевтикой, без которой она будет игрушкой в руках политических манипуляторов (элиты). Знание истории без истины – бесполезное и даже вредное дело. Историю необходимо знать очищенной от лжи и заблуждения. Но такая очищенная история (история истины) может не устроить многих. В первую очередь правящую элиту и патриотически настроенную часть общества, привыкшую и воспитанную в духе героических мифов.

Список литературы

1. Аппин Г. К. История элитологии / Г. К. Аппин. – Москва : Издатель А.В. Соловьев, 2004.
2. Аппин Г. К. Элитология: история, теория, современность / Г. К. Аппин. – Москва : МГИМО(У), 2010. – 600 с.

3. Карабущенко П. Л. Историческая герменевтика: принципы дешифровки исторической фальсификации / П. Л. Карабущенко // Гуманитарные исследования. – 2010. – № 2 (34). – С. 5–13.
4. Карабущенко П. Л. Историческая элитология о роли и месте элит в истории / П. Л. Карабущенко // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2011. – № 2 (27). – С. 234–245.
5. Ключевский В. О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники / В. О. Ключевский. – Москва : Мысль, 1993. – 415 с.
6. Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси / В. О. Ключевский. – Москва : Синодальная Типография, 1902. – 555 с.
7. Ключевский В. О. Исторические портреты: деятели исторической мысли / В. О. Ключевский ; вступ. ст. В. А. Александрова. – Москва : Правда, 1991. – 622 с.
8. Ключевский В. О. История сословий в России: курс, читанный в Московском университете в 1886 г. / В. О. Ключевский ; 3-е изд. – Прага : Лит.-издат. отд. Комиссариата нар. просвещения, 1918. – 276 с.
9. Ключевский В. О. Источниковедение. Источники русской истории / В. О. Ключевский // В. О. Ключевский. Сочинения : в 9 т. – Москва, 1988–1989. – Т. 6. – 510 с.
10. Ключевский В. О. Курс русской истории / В. О. Ключевский // В. О. Ключевский. Сочинения : в 9 т. – Москва, 1988–1989.
11. Ключевский В. О. Литературные портреты / В. О. Ключевский ; сост., вступ. ст. А. Ф. Смирнова. – Москва : Современник, 1991. – 461 с.
12. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник: исследование / В. О. Ключевский. – Москва : Тип. Грачева и К, 1871. – 465 с.
13. Ключевский В. О. О нравственности и русской культуре / В. О. Ключевский ; 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Дрофа, 2006. – 301 с. – (Великое наследие).
14. Ключевский В. О. Происхождение крепостного права в России / В. О. Ключевский. – [Б.м.: б. и., 1885]. – 82 с.

References

1. Ashin G.K. *Istoriya jelitologii* [History of elitology]. Moscow: Izdatel' A.V. Solov'ev, 2004.
2. Ashin G.K. *Jelitologiya: istoriya, teorija, sovremennost'* [Elitology: history, theory, the present]. Moscow, 2010, 600 p.
3. Karabuwenko P.L. *Istoricheskaja germenevtika: principy deshifrovki istoricheskoi fal'sifikacii* [Historical hermeneutics: principles of decoding of historical falsification]. *Gumanitarnye issledovanija* [Humanitarian Researches]. 2010, no. 2 (34), pp. 5–13.
4. Karabuwenko P.L. *Istoricheskaja jelitologija o roli i meste jelit v istorii* [Historical elitology about the role and place of elite in history]. *Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura* [Caspian Region: Policy, Economy, Culture]. 2011, no. 2 (27), pp. 234–245.
5. Ključevskij V.O. *Aforizmy. Istoricheskie portrety i jetjudy. Dnevniky* [Aphorisms. Historical portraits and etudes. Diaries]. Moscow: Mysl', 1993, 415 p.
6. Ključevskij V.O. *Bojarskaja дума древней Руси* [Boyard Duma of ancient Russia]. Moscow: Sinodal'naja Tipografija, 1902, 555 p.
7. Ključevskij V.O. *Istoricheskie portrety: dejateli istoricheskoi mysli* [Historical portraits: figures of historical thought]. Moscow: Pravda, 1991, 622 p.
8. Ključevskij V.O. *Istoriya soslovij v Rossii: kurs, čitannyj v Moskovskom universitete v 1886 g.* [History of estates in Russia: a course, chitanny at the Moscow university in 1886.]. Prague: Lit.-izdat. otd. Komissariata nar. prosvewenija, 1918, 276 p.
9. Ključevskij V.O. *Istochnikovedenie. Istochniki russkoj istorii* [Source study. Sources of Russian history]. *V.O. Ključevskij. Sochinenija: v 9 t.* [V.O. Klyuchevsky. Compositions: in 9 vol.]. Moscow, 1988–1989, vol. 6, 510 p.
10. Ključevskij V.O. *Kurs russkoj istorii* [Course of Russian history]. *V.O. Ključevskij. Sochinenija: v 9 t.* [V.O. Klyuchevsky. Compositions: in 9 vol.]. Moscow, 1988–1989.
11. Ključevskij V.O. *Literaturnye portrety* [Literary portraits]. Moscow: Sovremennik, 1991, 461 p.
12. Ključevskij V.O. *Drevnerusskie zhitija svjatyh kak istoricheskij istochnik: issledovanie* [Old Russian lives of saints as a historical source: research]. Moscow, 1871, 465 p.
13. Ključevskij V.O. *O нравственности i russkoj kul'ture* [On morals and Russian culture]. Moscow: Drofa, 2006, 301 p. (Velikoe nasledie).
14. Ključevskij V.O. *Proishozhdenie krepostnogo prava v Rossii* [Serfdom origin in Russia]. [B.m.: b. i., 1885], 82 p.

ИНСТИТУТ ВЫБОРОВ И РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Гришин Николай Владимирович, доктор политических наук, профессор

Астраханский государственный университет
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, д. 20а
E-mail: nvgrishin@mail.ru

Российская государственность имеет богатый, но противоречивый опыт использования выборов. В статье предлагается типология основных исторических моделей выборов в России. Выборы в России специфическим образом выполняют функции для российского государства. Оригинальными являются функции снятия напряжения и выражения общественного мнения.

Ключевые слова: выборы, функции выборов, политическая история России.

INSTITUTE OF ELECTIONS AND THE RUSSIAN STATE SYSTEM

Grishin Nikolay V., D.Sc. (Political Science), Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russia
E-mail: nvgrishin@mail.ru

The Russian state system has a rich but controversial experience of elections. The paper presents the typology of the major historical models of elections in Russia. Elections in Russia in a specific way perform the functions for the Russian state. The original functions are stress relief and expression of public opinion.

Keywords: Elections, Election functions, Political history of Russia.

Исторически российская государственность не может похвастаться особыми демократическими традициями. Политическая жизнь в России всегда тяготела к авторитарности. Отдельные демократические институты существовали в российском политическом процессе, но их развитие сопровождалось большими сложностями. К числу таких вечных «пасынков» российской государственности можно отнести и институт выборов.

Выборы практиковались в России с древнейших времен, и наша история знает много примеров, когда выборы играли важную роль в развитии российского государства на тех или иных этапах. Тем не менее, выборы постоянно оказывались в роли «костыля» государственной власти, который последняя всегда норовит отставить в сторону, как только почувствует себя более уверенно.

По нашему мнению, не вполне корректно говорить, что у России небольшой опыт демократических выборов, и это якобы является проблемой недостаточного качества избирательного процесса сегодня. Если говорить собственно о масштабе опыта, то опыт выборов в истории российской государственности весьма солидный. Проблемой является его содержательная сторона. Выборы выполняют определенные функции в политической системе. В истории России – как в предыдущие эпохи, так и на современном этапе – выборы выполняли весьма специфические функции. Они отличаются от функций выборов в демократическом режиме.

Явным парадоксом нашего исторического опыта можно назвать тот факт, что выборы подчас использовались не для демократизации государства, а напротив – способствовали усилению авторитарности. Именно так можно оценивать развитие в XVI в. системы местных выборов, которые сыграли важную роль в обуздании феодальной элиты и укреплении самодержавия.

Попытаемся охарактеризовать выполнение функций выборов в истории российской государственности. Для этого можно использовать различные типологии функций выборов. Мы рассмотрим основные функции выборов, которые присутствуют в большинстве типологий. Таким образом, это будут следующие функции выборов: формирования политической элиты, легитимации государственной власти, формирования органов власти, контроля над институтами власти, политической социализации населения.